

„Обнаженная“.

Анри Батайль—модный французскій драматургъ. Каждая постановка его новой пьесы въ Парижѣ—событіе театральнаго дня.

И это тѣмъ болѣе странно для насъ,—привыкшихъ искать въ театрѣ рѣшенія «проклятыхъ вопросовъ», сложнѣйшихъ философскихъ и социологическихъ проблемъ,—что, видимо, французскіе драматурги все еще пробавляются старыми рецептами Дюма—фиса и не могутъ или не хотятъ уйти никуда дальше «драмы покинутой женщины».

Здѣсь героиня—актриса, тамъ—кокетка, тутъ—натурщица, а герой—писатель, или художникъ или депутатъ. Тамъ для фона—парламентская борьба и кулуары палаты, здѣсь—кабинетъ редакціи или залы художественной выставки,—но схема всегда и вездѣ одна: 1 актъ—любовь и счастье; 2-й актъ—соперница; 3-й актъ—покинутая; 4-й актъ—развязка. И драма маленькой натурщицы Лулу—покинутой достигшимъ успѣха и славы художникомъ Бернье, которому она отдала свою молодость и свѣжесть, съ которымъ она дѣлила все горе, всю нужду его прежней трудовой жизни, драма, чистой, нѣжной, глубоко и преданно-любящей женской души, брошенной ради богатой свѣтской, чувственной куклы—лишь сто первая варьяція все одной и той же давно прѣвшеюся темы.

Батайль знаетъ сцену. Дѣйствіе у него развертывается быстро, сцены скомпонованы эффектно, діалогъ живой и изящный, но всего этого еще мало для успѣха пьесы и «Обнаженная», конечно, не удержалась бы въ репертуарѣ—если бы ее не спасала, не дѣлала положительно интереснымъ спектакль поистинѣ превосходная игра г-жи Роциной-Инсаровой.

(Ш А Р Ж Ъ М-ова)).

Исполненіемъ роли Лулу артистка сразу и несомнѣнно показала Москвѣ, какимъ крупнымъ дарованіемъ располагаетъ въ лицѣ ея Незлобинская сцена.

Поразительная, подкупающая жизненность милыхъ, ребяческихъ интонацій беззаботной счастливой Лулу перваго акта, срывающіяся отъ слезъ, звенящія горемъ ноты голоса на смерть раненой женщины—въ кульминаціонномъ пунктѣ драмы—все это оказалось одинаково доступно гибкому и первному таланту молодой артистки. А какіе прекрасные, выразительные глаза, какое благородство и разнообразіе мимики и жестовъ, какое изящество нарочито угловатыхъ движеній.

Въ антрактахъ сравнивали г-жу Роцину... съ Комиссаржевской и право же это сравненіе не казалось дерзкимъ. Конечно, еще не Комиссаржевская, конечно, еще далеко не все одинаково хорошо; и порой артистка словно не находя тона для цѣлыхъ фразъ, какъ то совѣмъ смазываетъ ихъ, произноситъ почти совѣмъ безъ выраженія и тутъ же вдругъ рядомъ—обожжетъ душу такой трепетной ноткой, такой приникающей интонаціей, такой первной, горячей игрой выразительнаго лица, что невольно вызываетъ въ памяти дорогія черты такъ рано покинувшей насъ артистки...

Остальные исполнители... О нихъ послѣ г-жи Роциной не хочется и говорить.

Очень слабъ г. Максимовъ—въ роли художника Бернье; то жеманно слащавъ, то башально-мелодраматичегъ и совершенно безпомощенъ въ сильныхъ мѣстахъ роли.

Г-жа Тихомірова—княгиня де-Шабранъ очень старалась быть похожей на свѣтскую женщину

театръ